

К ВОПРОСУ О РОДОВОМ СТРОЕ У ЭСКИМОСОВ

Вопрос о существовании у эскимосов рода, и в особенности материнского рода, очень спорен. Многие исследователи полагают, что рода у эскимосов не было. Так, известный эскимосовед Дженнисс считает, что эскимосы построили свое общество на основе малой семьи¹. Другой зарубежный этнограф — Биркет-Смит утверждает, что рода у эскимосов нет². Глава венской католической школы патер Шмидт относит эскимосов к кругу народов, для которых типична патриархальная большая семья, хотя он и признает существование в их культуре некоторых матриархальных черт. В то же время отдельные исследователи признают существование у эскимосов в прошлом материнского рода. Нельсон, например, сообщает, что эскимосы Аляски в конце XIX в. делились на тотемные роды, сохранявшие, видимо, территориальное единство³. Однако он ничего не пишет о других признаках этих родов, и остается неясным, существовал ли у исследованных им эскимосов в конце XIX в. род или сохранились только его пережитки.

Тальбицер, основываясь на материалах Нельсона, пишет, что у эскимосов в прошлом существовал материнский род⁴. Однако его аргументация в пользу существования именно материнского рода опирается исключительно на данные лингвистики. К тому же он считает, что род был заимствован эскимосами у индейцев. Наконец, Тан-Богораз, основываясь главным образом на сохранении эскимосами многих первобытно-общинных форм собственности и на данных религии, делает вывод, что у эскимосов существовал материнский род⁵. Однако ни один из названных исследователей не пытается реконструировать родовой строй эскимосов на основе сохранившихся пережитков.

Именно эту цель и преследует настоящая статья. Автор ее пытался по литературным материалам реконструировать материнский род у эскимосов, разложившийся в основном еще до прихода европейцев в силу некоторых конкретно-исторических причин.

Большинство литературных источников, использованных в данной статье, относится к концу XIX — началу XX в. В этот период для общественного строя эскимосов было типично сочетание норм первобытно-общинного строя с элементами, отражающими разложение этих норм. Основное и почти единственное занятие эскимосов — охота (главным образом морская), а также рыбная ловля. Некоторые виды охоты и рыбной ловли в прошлом вели совместно все охотники стойбища. Например, совместно всем стойбищем охотились на карibu или ловили лосося во время

¹ D. Jenness, *The life of the Copper Eskimos*, Report of the Canadian Arctic Expedition, vol. XII, Ottawa, 1922, стр. 83, 96.

² K. Birket-Smith, *The Eskimos*, London, 1936, стр. 146—147.

³ E. W. Nelson, *The Eskimo about Bering Strait*, 18-th Annual. Report of the Bureau of Am. Ethnology, Wash., 1899, стр. 322.

⁴ W. Thalbitzer, *The Ammassalik Eskimo*, 2-d part, 2-d half-vol., Copenhagen 1941, стр. 629—631.

⁵ В. Богораз, *Социальный строй американских эскимосов*, Труды Института антропологии, археологии и этнографии, т. IV, М.—Л., 1936, стр. 248 и др.

весеннего нереста. Добыча от других видов охоты, которые охотники вели в одиночку, все же поступала в общее распределение по определенным нормам. Эти нормы неодинаковы для различных эскимосских групп, однако в этом отношении можно проследить некоторые закономерности⁶. Так, при добыче тюленя убивший его охотник получал в большинстве случаев очень мало, большая часть этого тюленя распределялась между остальными охотниками данной охотничьей партии. Кроме того, получали свою долю члены стойбища, не участвовавшие в охоте из-за неотложной работы или болезни, а также старики и сироты. К концу XIX в. этот порядок распределения добычи в значительной степени выродился. Однако обычай взаимопомощи еще сохранялся, в особенности в случае голода, когда имевшиеся запасы пищи, как бы они ни были малы, делились между всеми членами стойбища⁷.

Первобытно-общинные нормы в конце XIX — начале XX в. продолжали сохраняться в отношении распределения китового мяса: каждый мог брать его себе в любом количестве.

В эскимосском обществе конца XIX — начала XX в. личной собственностью считались оружие, каяк, сани, охотничьи ловушки, одежда, предметы домашнего обихода, игрушки и т. п. У эскимосов Берингова пролива каждая семья все принадлежавшие ей вещи помечала своим знаком — тамгой⁸. Наличие таких знаков собственности свидетельствовало о разложении первобытно-общинного строя. Личной собственностью считались и площадки льда с отверстиями, через которые дышат тюлени. В Гренландии охотник, нашедший такую продушину, ставил около нее стметку, указывающую ее владельца.

Собственностью всей семьи были запасы пищи. Собственностью всей группы в целом считались каменные изгороди, строившиеся всеми членами группы и использовавшиеся для ловли оленей; запруды, делавшиеся для ловли рыбы; мужские дома — кажимы и т. д.

На охотничьи земли и районы лова морского зверя, по мнению Биркет-Смита, собственность не устанавливалась. Этому, правда, противоречит указание Дженнисса о том, что у Медных эскимосов охотничьи земли и рыбные угодья были собственностью отдельных локальных групп.

Предметы личной собственности можно было одалживать⁹. В случае утери или поломки взятого взаймы предмета его можно было совсем не возвращать или возвращать в испорченном виде, и владелец не имел права требовать компенсации за нанесенный убыток. Более того, как указывает Нельсон, на Аляске владелец обычно считал неудобным просить обратно предмет, данный взаймы, так как, по мнению эскимосов, человек, который может дать другому часть своей собственности, имеет больше, чем ему необходимо. А владелец ловушки, если он ею не пользовался, обязан был дать ее тому, кто в ней нуждался.

Когда умирал глава семьи, часть имущества умершего клали вместе с ним в могилу. Оставшуюся часть наследовали его родственники, главным образом дети. По другим данным, наследовали только сыновья. Согласно Биркет-Смиту и Дженниссу, наследство распределялось между всеми детьми. По Нельсону, сыновья наследовали орудия охоты, а доче-

⁶ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 148—149; K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos: Social life and spiritual culture. Report of the Fifth Thule Expedition, vol. VIII, Copenhagen, 1931, стр. 163; его же, Intellectual culture of the Copper Eskimos, vol. IX, Copenhagen, 1932, стр. 105—107; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 645—646.

⁷ Th. Mathiassen, Material culture of the Iglulik Eskimos, Report of the Fifth Thule Expedition, vol. VI, Copenhagen, 1928, стр. 233; T. Brevig, Apsarak in Alaska, Philadelphia, 1944, стр. 58; V. Stefansson, My life with the Eskimo, London a. New York, 1929, стр. 176—177.

⁸ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 148, 149; D. Jenness, Указ. соч., стр. 88—92; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 325—326; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 625, 638, 639.

⁹ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 249; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 294, W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 641—642.

ри — предметы домашнего обихода. Вдова ничего не наследовала, но получала обратно свое приданое. В Гренландии человек, имевший одну палатку, не мог наследовать другую, как и имевший один умиак не получал другого, и т. п. На Аляске таких ограничений в наследовании в описываемое время уже не соблюдалось, что и было одной из причин, обусловивших большее имущественное расслоение среди аляскинских эскимосов, чем среди эскимосов других районов. Доли наследства, получаемые старшими и младшими детьми в разных местах, были различны. Так, в Гренландии большую часть имущества отца получал старший сын. Среди Медных эскимосов не устанавливалось какого-либо различия в порядке наследования старшими и младшими сыновьями. На Аляске же старший сын получал меньше младших. Все самые ценные вещи шли самому младшему из сыновей¹⁰. Распределяла наследство у аляскинских эскимосов жена умершего.

Во второй половине XIX в. между различными эскимосскими группами существовали прочные торговые взаимосвязи, осуществлявшиеся из года в год по одним и тем же путям¹¹. Торговые ярмарки, особенно на Аляске, проводились в форме празднеств с танцами и различными ритуальными церемониями. Такие ярмарки обычно устраивались в одних и тех же местах, а именно на границе между различными эскимосскими группами. Торговля проводилась путем обмена одних продуктов на другие. За единицу стоимости принималась одна шкурка взрослой выдры, а позднее — бобровая шкурка.

По сообщению Нельсона, на Аляске в каждом селении можно было найти в 90-х годах XIX в. богача, собравшего путем торговли значительную по эскимосским понятиям собственность (ценностью в несколько сот долларов). Такие богатые люди обязаны были время от времени устраивать празднества для своих односельчан и раздавать им пищу и подарки¹². Этим они как бы убеждали своих сородичей, что богатство собирается для их же пользы. Если богатый эскимос уклонялся от организации празднеств, односельчане или убивали его и забирали все, что у него было, или же насильственно заставляли устроить празднество и раздать на нем все свое имущество. В последнем случае он должен был под страхом смерти оставить всякую мысль о том, чтобы снова разбогатеть. Это свидетельствует о том, что для эскимосов во второй половине XIX в. имущественное неравенство еще являлось чем-то непривычным, от чего они пытались как-то избавиться. Но уже в этот период решающий годос в селении обычно принадлежал самому богатому односельчанину, так как все остальные в той или иной мере зависели от него¹³.

Еще несколько десятилетий назад собственность в каждой родственной группе носила общественный характер. Так, на острове Нунивак все предметы метились знаками собственности, имевшими вид прямых или ломаных линий, но число таких знаков было очень ограничено. Все лица, имевшие общего мужского предка, метили свою собственность одним знаком. Для выделения отдельных ветвей генеалогического древа или отдельных семей внутри родственной группы знак на предметы ставили несколько раз (но не свыше пяти)¹⁴.

Все сказанное дает основание заключить, что отношения собственности, зафиксированные у эскимосов в XIX — начале XX в., в основном сохраняли общинно-родовой характер.

¹⁰ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 149; N. M. Giffen, *The role of man and woman in Eskimo culture*, Chicago, 1930, стр. 41—42; D. Jenness, Указ. соч., стр. 92; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 307; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 605.

¹¹ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 150; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 228, 229, 230, 231, 232, 236, 309; V. Stefansson, Указ. соч., стр. 87—88.

¹² E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 305.

¹³ T. Brevig, Указ. соч., стр. 58.

¹⁴ M. Lantis, *The social culture of the Nunivak Eskimo*. Transactions of the American Philosophical Society, vol. 35, part 3, Philadelphia, 1946, стр. 242—243.

Всех эскимосов по признаку общности территории, диалекта и культуры можно разделить на несколько групп. Каждая такая группа носит свое название, образованное из наименования района, в котором она проживает, и суффикса «мют». Выходцы из той или иной группы, переселившиеся в другой район, принимали новое название¹⁵.

Но еще в сороковых годах XIX в. эскимосы низовьев Юкона и Кускоквима и побережья Бристольского залива имели какие-то самоназвания, сохранявшиеся при расселении членов одной группы. Л. А. Загоскин отмечал, что «туземцы этого края подразделяют себя независимо от названия по селениям, в которых они проживают, на названия местные или прозвищные, характеризующие или междоусобные несогласия, понудившие слабых или побежденных к переселению, или расселение размножившегося племени, или, наконец, явственно принадлежащие различным поколениям»¹⁵.

Повидимому, в данном случае речь идет о родовых и племенных самоназваниях.

Состав группы не был постоянным, так как отдельные эскимосские семьи часто переселялись из одного района в другой¹⁷. Есть основания полагать, что текучесть состава таких групп значительно увеличилась за последнее столетие. Но еще в восьмидесятых годах XIX в. почти все эскимосы, родившиеся в районе Гудзонова залива и переселившиеся затем в другие районы, строго соблюдали обычай возвращаться в старости на свою родину, и потому почти все старики жили в той группе, членами которой были их родители¹⁸. Следовательно, сравнительно недавно отдельные группы были значительно четче разграничены между собой, чем теперь.

До XVIII в. включительно, а возможно, и до более позднего времени, эскимосские группы часто враждовали между собой. Причиной войн почти всегда была кровная месть¹⁹. За убитого обязаны были мстить все члены его группы, причем месть распространялась на всех членов группы убийцы, что и вело к войне. (Если убийца и убитый принадлежали к одной группе, мстить обязаны были лишь отец, сын, брат и дядя убитого). Есть указания на существование у эскимосов в прошлом вождей, предводительствовавших на войне²⁰.

В XVIII в. эскимосское «племя» было общественно-организованным целым. Об этом свидетельствуют сообщения Нельсона о межплеменных войнах среди аляскинских эскимосов, обычай посылать в соседние дружественные стойбища (населенные, повидимому, соплеменниками) гонцов с приглашением участвовать в военном набеге, организуемом жителями какого-либо стойбища, и, наконец, обычай созывать на постройку нового кажима для стойбища соплеменников из близлежащих селений.

Повидимому, деление эскимосов на группы в какой-то степени отражает их прежнее деление на роды и племена и эти группы являются остатками родов и племен, сохранявшимися до недавнего времени, а местами и до сих пор, родовое или племенное самоназвание, общность территории, культуры и языка, обычай кровной мести за сородича (соплеменника). Такое предположение подтверждается многими фактами.

¹⁵ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 147; J. Gabus, Iglous. Vie des Eskimaux-Caribou, Neuchâtel, стр. 213; Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 209; D. Jenness, Указ. соч., стр. 32—33.

¹⁶ Л. А. Загоскин, Пешеходная опись части русских владений в Америке, произведенная Л. А. Загоскиным в 1842, 1843, 1844 годах, СПб., ч. II, 1847, стр. 16.

¹⁷ D. Jenness, Указ. соч., стр. 32—33.

¹⁸ F. Boas, The Central Eskimo, 6-th Annual Report of the Bureau of American Ethnology, Wash., 1888, стр. 466.

¹⁹ E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 285, 327.

²⁰ W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 628—629.

В стойбище обычно жили члены одной группы. Почти все они были связаны между собой родством или свойством. На западе Аляски уроженец чужого стойбища «а-ип-та» противопоставлялся человеку «моего клана» (стойбища), считавшемуся родственником и называвшемуся «и-жо-хук» (дословно — ребенок сестры). Соблюдался обычай взаимопомощи. Члены одного стойбища обязаны были заботиться о больных, калеках, стариках, вдовах и сиротах. Как правило, каждая семья получала кусок мяса, хотя бы и маленький, от каждого тюленя, убитого кем-либо из данного стойбища. На Аляске в случае голода старейшина стойбища брал под контроль все имеющиеся запасы пищи и перераспределял их, если находил нужным. Нарушение каких-либо табу грозило несчастьем не только самому нарушителю, но и всему стойбищу²¹.

Нельсон указывает, что эскимосы Аляски обозначали род термином «и-жо-хук» (соответствует гренландскому «и-жо-хук» — ребенок сестры). Тальбицер делает отсюда вывод, что эскимосский род был материнским. Во главе такого рода, повидимому, стоял старший дядя со стороны матери. Это можно заключить из того, что основа слова «angakok», обозначающего в Гренландии шамана, на западном побережье Аляски означала одновременно «вождь» и «дядя со стороны матери»²².

На Аляске до начала XX в., а на острове Нунивак еще позже, до сороковых годов XX в., сохранялось деление эскимосов на тотемные группы. Пережитки тотемизма отмечают Нельсон и Лантис²³.

Нельсон сообщает, что у эскимосов, живших между р. Кускоквим и заливом Коцебу, существовала четкая система тотемов, с которой совпадало деление эскимосов на роды. К сожалению, этот автор не разъясняет, что он понимает под терминами «тотем» и «род». Это, конечно, значительно снижает ценность его информации. Нельсон описывает тотемы волка, сокола и ворона, как наиболее распространенные среди обследованных им эскимосов. Все люди, имевшие один тотем, считались родственниками. Эскимосы Юналит называли таких людей «и-жо-хук». Тальбицер исторически связывает этот термин с материнской филиацией. Однако в XIX в. тотем среди эскимосов описываемого района наследовался по мужской линии от отца к сыну. Группа людей (по Нельсону «род»), имевшая общий тотем, носила название тотема, которое в свою очередь было производным от названия тотемного животного. Например, волк назывался «kig-u-lun-uk», тотем — «kig-u-lun-u-go-uk», а «род» волка — «kig-u-lun-u-go-ulh-i-git».

Нельсон не сообщает, были ли такие тотемные группы экзогамны и считали ли они тотемное животное своим предком. Нет у Нельсона указаний и на то, можно ли было убивать или употреблять в пищу тотемное животное.

Все члены группы носили на себе части тотемного животного и рисовали его стилизованное изображение на своем оружии и на других принадлежавших им предметах. Оружие с тотемным знаком считалось надежным качеством животного-тотема. На могилах также очень часто изображался тотем. В описываемое Нельсоном время тотемные знаки, нарисованные с теми или иными вариациями, иногда указывали, повидимому, на владельца вещи, что свидетельствует о трансформации тотемизма у эскимосов Берингоморья на рубеже XIX и XX вв.

По сообщению Лантиса, эскимосы острова Нунивак почитали «животных-помощников» («киного»). Члены каждой большой семейной груп-

²¹ D. Jenness, Указ. соч., стр. 86; J. Gabus, Указ. соч., стр. 157—158; Th. Mathiasen, Указ. соч., стр. 209; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 306; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 626, 631, 645, 646.

²² W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 630, 631.

²³ E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 311, 312, 320—326; M. Lantis, Указ. соч., стр. 239—244

пы носили амулеты из частей животного-помощника данной семьи или изображали его на каяках, гарпунах и т. д. Животные-помощники были общими не только для семьи, пусть даже большой, но и для параллельных кузенов всех степеней родства, имевших одного мужского предка (допуская правильность такого утверждения, можно говорить о родовом тотеме). «Иного» наследовались детьми обоюбого пола от отца. Человек не мог отказаться от своего животного-помощника или продать амулеты. Он не имел права есть мясо своего животного-помощника. Некоторые эскимосы считали допустимым убить своего «иного», чтобы сделать из него амулеты. Но другие эскимосы полагали, что нельзя охотиться на своего «иного». Песни-заклинания, так же как «иного», наследовались. Есть сведения, что одними и теми же заклинаниями пользовались параллельные кузены всех степеней. Песни-заклинания также нельзя было продать, обменять или отказаться от них.

Вместе с тем Лангис отмечает, что у эскимосов острова не было представления о происхождении родственных групп или семей от их «иного». Это обстоятельство не позволяет расценивать веру в животных-помощников как типичный тотемизм. Но, бесспорно, культ «иного» развился из тотемизма и является формой его разложения, сопровождавшегося утерей некоторых связанных с ним ранее представлений.

Брак между членами групп с общим «иного» не практиковался, хотя и не был запрещен. Отсутствие такого запрещения, возможно, объясняется тем, что параллельные кузены и кузины всех степеней — а ведь именно они имели общего «иного» — по нунивакской системе родства классифицировались как братья и сестры и поэтому особого запрета брака между лицами с общим «иного» не требовалось. В случае неизвестности родства между лицами с общим «иного» браку между ними не препятствовали.

При усыновлении маленького ребенка последний наследовал «иного» своего приемного отца.

Возможно, что одним из пережитков рода у эскимосов Аляски являлось сохранение ими института старейшин²⁴. В каждом селении был свой старейшина. Он перераспределял запасы продовольствия в случае голода, представлял своих односельчан при приеме гостей, распределял полученные от них подарки, определял время и направление летних кочевков, открытие охотничьего сезона на тот или иной вид дичи и т. п. Старейшиной становился человек, лучше других знавший традиции, предания и обычаи своей группы и уважаемый односельчанами за знания и ум. Между Нижним Юконом и Кускоквимом таких старейшин называли «näskok» (голова), а среди эскимосов Юналит их именовали «ān-ai-yukok» (тот, кого все слушают). Эти же термины применялись и к членам общины, завоевавшим главенствующее положение благодаря своему богатству.

Как остаток совета рода можно рассматривать практиковавшиеся в некоторых местах совещания стариков, на которых обсуждались важнейшие вопросы, волновавшие односельчан. У эскимосов Лабрадора решение, принятое на таком собрании стариков и старух, считалось окончательным²⁵. На северо-западе Аляски все важные вопросы решались на общем собрании односельчан (мужчин и женщин)²⁶. Приведенные факты указывают на равноправие мужчин и женщин в общественных делах. Но на Аляске на таких общих собраниях односельчан обычно принималось решение, угодное самому богатому человеку стойбища, каковым обычно являлся владелец умиака и от которого многие из его соседей так или иначе зависели.

²⁴ Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, 1847, стр. 44.

²⁵ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 58, 59.

²⁶ T. Brevig, Указ. соч., стр. 58.

У эскимосов Аляски и Гудзонова залива до середины XIX в. были повсеместно распространены мужские дома — кажимы, существование которых обычно связывается с матриархатом²⁷. В каждом эскимосском стойбище имелось особое здание, где мужчины проводили все время, свободное от охоты. Там они работали, ели и спали. Там же организовывались все совещания и проводились праздники.

Внутри кажима обитатели его размещались, с одной стороны, по признаку родства, с другой — по своему общественному положению. Женщины и дети жили отдельно. Иногда мужчины ходили ночевать к своим семьям.

По сообщению Загоскина, пищу в кажим приносили женщины. Нельсон отмечает, что женщины допускались в кажим только на время и при некоторых обрядах, свободный же вход им был воспрещен. На острове Нунивак мальчики по достижении пяти лет переходили на житье в кажим. В кажиме старики знакомили молодежь с преданиями, обычаями и традициями группы.

У Центральных эскимосов в течение последних 100 лет уже не было мужских домов. Мужчины у них жили вместе со своими семьями. Общественное здание использовалось только для проведения праздников. В Гренландии мужские дома, вероятно, в прошлом существовали, но рано исчезли. Общественные же здания, служившие местом встречи для всех жителей поселения, возможно, исчезли с появлением «больших домов», в каждом из которых жило до 10 семейств.

Праздники у гренландских эскимосов устраивались только зимой, когда все жили в своих постоянных селениях. Летом же эскимосы собирались в местах, наиболее богатых дичью и рыбой, причем члены различных групп жили попеременно в общих летних стойбищах, достигавших иногда значительных размеров. Надо полагать, что именно в связи с этим смешением различных групп летом не устраивались ритуальные религиозные праздники и прекращалась официальная деятельность шаманов²⁸. Иными словами, как праздники, так и шаманы были связаны с определенными группами (в прошлом родами или племенами). Анализ осеннего праздника, проводившегося в честь «морской владычицы» Седны эскимосами Баффиновой земли²⁹, подтверждает такое предположение. При проведении этого праздника эскимосы разделялись на две партии: «белых куропаток» и «уток». «Куропатки» представляли «детей лета», «утки» — «детей зимы». Можно предположить, что деление эскимосов на «детей лета» и «детей зимы» при проведении праздника в честь «владычицы моря» является таким же пережитком их деления на две экзогамные секции — рода, как и деление ульчей на «людей воды» и «людей земли» на медвежьем празднике³⁰.

Эскимосы низовьев Юкона и Кускоквима, кроме больших религиозных праздников, на которые собирались жители всех соседних стойбищ (в прошлом, вероятно, бывшие членами одного племени), устраивали еще «местные» праздники, отдельные для каждого стойбища, которые проводились, чтобы скоротать долгие вечера поздней осени и начала зимы. В организации таких праздников принимали участие или все жители стойбища, или только мужчины, или только женщины. Если праздник устраивали женщины, они приглашали на него мужчин и угощали их из своих продовольственных запасов. Такие «женские праздники» часто сопровождалась передеваниями. Женщины приходили оде-

²⁷ W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 627; K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 147; M. Lantis, Указ. соч., стр. 251—252; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 285—286; Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, стр. 56—59; ч. II, стр. 23, 30, 34—35.

²⁸ W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 625.

²⁹ F. Boas, Указ. соч., стр. 630.

³⁰ А. М. Золотарев, Родовой строй и религия ульчей, Хабаровск, 1939, стр. 135—139.

тими как мужчины и в танцах исполняли роль мужчин. Когда праздник устраивали мужчины, все бывало наоборот. Повидимому, такой праздник восходит своими корнями к матриархату и связанным с ним обычаям раздельной жизни мужского и женского населения. Широкое распространение у эскимосов мужских домов подтверждает подобную мысль.

Следует отметить, что обычай переодевания женщин в мужское платье и наоборот, мужчин в женское, как и перемена их ролей в танцах, распространен среди всех эскимосов. Дженнисс связывает его с равноправием мужчин и женщин у эскимосов³¹. Обычно мужчины и женщины танцуют отдельно, но женщины при желании могут свободно принимать участие в танцах мужчин, никаких ограничений в этом отношении не существует. В некоторых районах мужчины исполняют танцы, типичные для женщин. У Медных эскимосов мужчины и женщины танцуют одинаково.

Переодевания типичны не для импровизаций, а для церемониальных танцев, унаследованных от предков. В связи с этим интересно отметить, что на Аляске при проведении одного из таких празднеств каждый танцор одевается соответственно полу его последнего умершего родственника³².

В Гренландии женщины наравне с мужчинами исполняют песнявызовы (*nith, attack and retort songs*) и на таких представлениях присутствуют мужчины и женщины. Женщины вместе с мужчинами играют в различные игры (*game of chance* и т. д.).

Порядок заключения брака примерно одинаков у всех эскимосов, за исключением аляскинских³³. В брак вступали 15—16-ти лет. Браку часто предшествовало обручение, совершавшееся родителями сразу после рождения детей, а нередко даже и до него. Брак устраивали старухи из семей жениха и невесты. Есть указания, что в некоторых эскимосских группах родители жениха или он сам платили калым родителям невесты. Если обрученные жили в разных стойбищах, они обычно не виделись до брака. Если жених не приехал во-время за своей невестой (в том случае, когда обрученные жили в разных селениях), она могла выйти замуж за своего односельчанина. В таком случае приехавший потом юноша, с которым она была помолвлена, боролся за нее с ее мужем.

У Медных эскимосов предварительного обручения родителями вступающих в брак не совершалось. Юноша и девушка сами договаривались о браке, правда, часто под влиянием родителей. Если жених увозил невесту от ее родителей, он платил им калым. Этого не делали, если молодая чета оставалась в группе родителей жены. Как справедливо полагает Золотарев³⁴, калым появился после смены матрилокального брака патрилокальным. Он являлся компенсацией роду (а позднее семье) за женщину и приданое, которое она уносила с собой в другой род (семью). Поэтому у Медных эскимосов муж, поселявшийся с женой в ее стойбище, освобождался от уплаты калыма. Этот обычай, по нашему мнению, является пережитком родового строя и матрилокального брака.

Брак у эскимосов мог быть в равной мере матри- и патрилокален³⁵. Особо интересен порядок заключения брака у эскимосов Аляски. В районе между Нижним Юконом и Кускоквимом бытовала своеобразная форма обручения детей³⁶, являвшаяся, по нашему мнению, пережитком матрилокального брака. Согласно обычаю, семья, в которой была

³¹ См. N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 67—69.

³² N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 67—69.

³³ K. Rasmussen, *The Netsilik Eskimos*, стр. 194, 489; его же; *Intellectual culture of the Copper Eskimos*, стр. 44; его же, *Intellectual culture of the Iglulik Eskimos*, Report of the Fifth Thule Expedition, vol. VII, Copenhagen, 1929, стр. 177—178; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 649; N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 74, 92; Th. Mathiasen, Указ. соч., стр. 210; D. Jenness, Указ. соч., стр. 158—159.

³⁴ А. М. Золотарев, Указ. соч., стр. 55—56.

³⁵ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 74.

³⁶ E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 291—292.

девочка, но не было сыновей, договаривалась с семьей, в которой было несколько сыновей, что один из мальчиков будет жить у них и в будущем станет мужем их дочери. Иногда подобные договоры заключались заранее и выполнялись после того, как родится дочь. Нередко юноша сам выбирал себе семью, имевшую девочку. В таких случаях он забирал свою одежду, оружие и инструменты и навсегда покидал своих родителей, переходя в семью своей избранницы, родители которой его усыновляли (девочке в подобных случаях нередко было всего лишь четыре-пять лет). По отношению к своим приемным родителям усыновленный нес те же обязанности, какие он выполнял ранее по отношению к отцу и матери.

При обручениях в детском возрасте, когда девушка достигала половой зрелости, она и ее жених считались нечистыми, и в течение месяца им запрещалось работать. По истечении этого периода юноша отправлялся с подарками в кажим и распределял их между присутствующими, после чего он считался полноправным мужем.

У эскимосов острова Нунивак предложение о заключении брака делали бабушка, старший брат или другой родственник юноши³⁷. Ни отработки, ни калыма не было. Брак был матрилокален. Вскоре после брака молодожены наносили визит родителям мужа. Они давали своей снохе новое уменьшительное имя (*nick-name*), и с этого момента вступали в силу все табу, обязательные для замужней женщины. Существовал обычай избегания родителей жены и родителей мужа. На острове Нунивак братья и сестры, достигшие половой зрелости, также избегали друг друга. Обычай избегания зятем родителей жены и братьями и сестрами друг друга часто встречается в родовом обществе.

На северо-западе Аляски брак еще в конце XIX — начале XX в. заключался следующим образом. Юноша, решив жениться на какой-либо девушке, посылал ей с любым из общих друзей кожаные штаны. Как только девушка получала такой подарок, вся ее семья собиралась на своеобразный совет. Если все члены семьи считали, что юноша, приславший подарок, достаточно опытный охотник и рыболов, чтобы обеспечить семью пищей, они разрешали девушке носить подарок. Как только юноша видел девушку в этом костюме, он немедленно перебирался в ее дом и становился ее мужем и членом ее семьи³⁸.

Относительно эскимосов Юкона и Кускоквима Л. А. Загоскин сообщает, что родители никогда не выдавали девушку замуж, «не узнав об ее склонности»³⁹. Обычай считаться с желанием девушки при вступлении в брак также, конечно, более характерен для матриархата, чем для патриархата.

У всех эскимосских групп категорически запрещался брак между тезками. По представлению эскимосов, все носящие одно имя происходят от одного фамильного ствола, т. е., иными словами, тезки происходят от одних прародителей. У эскимосов существовал обычай давать новорожденному имя одного из его умерших родственников, что способствовало сохранению имен предков. Среди эскимосов Иглулик все тезки считались «кузенами по имени» (*name-cousins*) и при встрече обязаны были обмениваться подарками. Считалось, что это доставит удовольствие всем их умершим «кузенам по имени». У эскимосов Юкона и Кускоквима на поминки приглашали тезок умершего, как бы далеко они ни жили, и делали им ценные подарки. Иногда в результате таких поминок большая часть наследства умершего доставалась именно его тезкам⁴⁰.

³⁷ М. Lantis, Указ. соч., стр. 234—235.

³⁸ T. Brevig, Указ. соч., стр. 309—310.

³⁹ Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, стр. 47—48.

⁴⁰ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 143; V. Stefansson, *The Friendly Arctic*, New York, 1939, стр. 466—467; K. Rasmussen, *Intellectual culture of the Iglulik Eskimos*, стр. 183; Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, стр. 69.

Повидимому, запрещение брака между тезками связано с представлением о принадлежности их к одному роду.

На Аляске был запрещен брак между носящими одинаковые амулеты⁴¹. Как отмечалось выше, амулет часто указывал на тотем его владельца. Запрещение брака между имевшими общий тотем типично для норм родового права, поскольку тотем мог являться, как, например, у североамериканских индейцев, одним из признаков рода. Иными словами, мы видим источник описываемого запрета в экзогамно-родовой организации эскимосского общества в прошлом.

Необходимо отметить отсутствие общего для всех эскимосов критерия, определявшего, в каких отношениях родства могли находиться вступающие в брак. Биркет-Смит указывает, что, по сведениям ранних русских путешественников, у эскимосов Тихоокеанского побережья существовал кросс-кузенный брак. Сам Биркет-Смит, правда, предполагает, что русские авторы ошибочно считали такой брак обязательным и что речь идет лишь о брачных правах (*custom of matrimonial rights*) между кросс-кузенами⁴². Учитывая, что почти у всех эскимосов бытовал обычай обручения детей, который М. О. Косвен связывает с кросс-кузенным браком, можно предположить, что в прошлом эта форма брака была широко распространена среди эскимосов. Такое предположение, если оно верно, подтверждает существование в прошлом родовой организации у всех или по крайней мере у большинства эскимосов, так как без экзогамно-родового строя не было бы никаких оснований для деления кузенов на параллельных и перекрестных, а следовательно, не было бы и кросс-кузенного брака. Более того, кросс-кузенный брак, как указывает М. О. Косвен⁴³, следует связывать с определенной стадией родового строя, а именно, с дуальной экзогамией, предполагавшей взаимобращение двух материнских родов. В эпоху распада материнского рода кросс-кузенный брак, являвшийся средством восстановления рода, приобрел исключительную устойчивость. Этим, возможно, и объясняется пережиточное сохранение такого брака у эскимосов уже после утери ими родового строя.

Многие факты свидетельствуют об ортодоксальности кросс-кузенного брака в прошлом. Хотя на острове Нунивак в конце тридцатых годов XX в. можно было вступать в брак не только с кросс-, но и с параллельными кузенами, однако последнее считалось новой формой. Это подтверждается тем, что нунивакская система родства классифицирует параллельных кузенов, как братьев и сестер⁴⁴.

В районе Нортонова залива и на острове св. Лаврентия все кросс-кузены были связаны отношениями, называемыми «шуточным товариществом» (*joking partnership*). На Нуниваке «шуточные товарищи» (*joking partners*) часто обозначались тем же термином, что и кросс-кузены. Правда, в XX в. указанными отношениями на Нуниваке связывались уже не кросс-кузены, а «половинные» кросс-кузены (*half-cross-cousins*), т. е. дети брата и сестры, имевших одну мать, но разных отцов (вследствие отцовской филиации такие брат и сестра принадлежали к различным генеалогическим стволам). Отношения «шуточного товарищества» наследовались детьми таких «половинных» кросс-кузенов, затем их внуками и т. д. «Шуточные товарищи» могли вступать в брак между собой⁴⁵.

Дружба и шутливый тон в отношениях между кросс-кузенами нередко наблюдаются в родовых обществах, практикующих кросс-кузенный брак. Среди эскимосов Юналит (Западная Аляска) был широко распро-

⁴¹ К. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 143.

⁴² Там же.

⁴³ М. О. Косвен, Авукулат, «Советская этнография», 1948, № 1, стр. 24—25.

⁴⁴ M. Lantis, Указ. соч., стр. 234, 236.

⁴⁵ Там же, стр. 244.

странен брак между кузенами первой степени и вообще между кровными родственниками⁴⁶. Приняв во внимание приведенные выше сведения о бытовании в прошлом на Тихоокеанском побережье кросс-кузенного брака, можно предположить, что и здесь речь идет о браке кросс-кузенов первой степени, хотя Нельсон и не оговаривает, каких кузенов он имеет в виду. Такое предположение подтверждается и тем, что брак кросс-кузенов первой степени является типичной формой поддерживания брачных связей между двумя большими материнскими семьями в эпоху разложения материнского рода⁴⁷ (а ведь эскимосский род, вероятнее всего, разложился именно на этой стадии).

Наконец, в диалектах эскимосов Гренландии и мыса Принца Уэльского есть термины «иглорэт» и «иглошарэт», оба происшедшие от «иглок» — «кузен» (безразлично, какой). Дословный перевод первого термина: «те, кто имеют друг друга как кузены» (those who have each other as cousins), и второго: «те, кто имеют друг друга как кузены второй степени» (those who have each other as second cousins)⁴⁸.

Повсюду, кроме Западной Гренландии, в XIX—XX вв. допускался брак между кузенами как первой, так и второй степени. Но неизвестно, был ли это попрежнему брак кросс-кузенов или же различие между детьми брата и сестры уже утерялось.

Развод совершался без всяких затруднений и церемоний, по желанию любой из сторон. Разводы в семьях, имеющих детей, были крайне редки. В случае таких разводов дети всегда оставались с матерью, а мужчина терял на них все права⁴⁹.

При вступлении в брак вдовы, имеющей детей, последние переставали считаться детьми ее умершего мужа и становились в такие же отношения родства к родственникам своего отчима и к нему самому, как если бы он был их отцом⁵⁰.

Отсюда можно сделать два важных вывода: 1) у эскимосов был парный брак, как известно, типичный для матриархата; женщина имела такое же право расторгнуть брак, как и мужчина; 2) материнское родство считалось сильнее отцовского.

Парному браку сопутствовал групповой брак. У всех эскимосских групп была распространена полиандрия и, в особенности, полигамия⁵¹. В XIX в. у различных групп эскимосов еще сохранялись следы левирата и сорората. Младшие братья были обязаны заботиться о женах старших, когда последние отправлялись в какую-либо поездку. У эскимосов Иглулик мужчина мог жениться на двух сестрах. Надо полагать, что в период существования у эскимосов родовой организации полигамия и полиандрия выступали в виде брака мужчины с группой сестер, с одной стороны, и женщины с группой братьев, — с другой, в результате чего все члены двух взаимнобрачных родов были обеспечены соответственно мужьями и женами⁵². Позднее, в связи с распадом родового строя стало безразлично, являются ли жены сестрами (по роду), а мужья — братьями, соответственно трансформировался и характер самих этих институтов. Такой взгляд на прошлое полигамии и полиандрии у эскимосов может

⁴⁶ E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 291.

⁴⁷ M. O. Косвен, Указ. соч., стр. 24—25.

⁴⁸ K. Rasmussen, Alaskan Eskimo words, Copenhagen, 1941, стр. 60.

⁴⁹ T. Brevig, Указ. соч., стр. 309—310; K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 145, 146; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 649, 653; Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, стр. 47—48; Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 210—211.

⁵⁰ V. Stefansson, The Friendly Arctic, стр. 466.

⁵¹ Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 210—211; Л. А. Загоскин, Указ. соч., ч. I, стр. 47—48; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 649—650; K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 195; K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 144.

⁵² Именно в такой форме левират и сорорат наблюдались М. Лантисом у нунивакцев в XX в. (M. Lantis, Указ. соч., стр. 236).

быть подтвержден на материале различных этнографических обществ и, в частности, алеутов⁵³.

Всеми эскимосами широко практиковался обмен женами на больший или меньший отрезок времени⁵⁴. Особенно был распространен этот обычай среди так называемых «товарищей по песне» (song-fellows). Каждый мужчина Нетсиллик имел постоянного партнера, который во время праздников в кажиме пел в ответ ему и пользовался его барабаном. Такие партнеры назывались товарищами по песне. Они считались очень тесно связанными друг с другом, постоянно менялись женами и имели определенные взаимные обязанности. Так, если один из них должен был ехать в дальнюю поездку, а жена его была больна, он имел право оставить ее у своего «товарища по песне» и взять с собой жену последнего. И, что очень интересно, они называли друг друга кузенами (igloq). Отношения, связывавшие «товарищей по песне», напоминают отношения параллельных кузенов в эпоху родового строя. У эскимосов Тихоокеанского побережья еще в тридцатых годах XX в. сохранялись теоретические брачные права братьев, женатых на группе сестер, на каждую из них, а также права группы кросс-кузенов на группу кросс-кузин⁵⁵.

Таким образом, эскимосский групповой брак в виде обмена женами следует выводить из норм родового строя, а именно, из взаимных брачных прав всех братьев-сородичей (т. е. родных братьев и параллельных кузенов всех степеней) на своих жен, являвшихся в случае дуальной экзогамии сестрами по роду.

Женщина, как правило, никогда не протестовала против группового брака. Всякое сопротивление с ее стороны рассматривалось как нарушение существовавших норм.

По обычаю гренландских эскимосов, если в результате обмена женами рождался ребенок, оба мужчины в равной мере считались его отцами. Хотя ребенок жил в доме одного из них, наследовал он обоим. Такие мужчины называли друг друга «сводными кузенами» (awiliareen, half-cousins). Этот термин также можно перевести: «партнеры, товарищи, делающие что-то пополам». Ребенка они считали общим (half and half child). Такой порядок также характерен для родовых норм, по которым отцом ребенка могли одновременно считаться все лица, имевшие право на его мать, т. е. все родные и коллатеральные братья (параллельные кузены) действительного отца ребенка. (В Западной Гренландии две жены одного мужа также называли друг друга сводными кузинами). Юноща и девушка, рожденные одной матерью, но от разных мужчин, считались братом и сестрой и не могли сочетаться браком⁵⁶.

У Медных эскимосов все дети двух семей, главы которых хоть раз обменялись женами, считались братьями и сестрами и не могли сочетаться браком⁵⁷. Этот обычай следует, вероятно, рассматривать как пережиток родового строя, когда подобный групповой брак указывал бы на принадлежность к одному брачному классу или мужей (отцовский род), или жен (материнский род). И в том и в другом случае дети являлись бы братьями и сестрами по роду и, следовательно, не могли вступать в брак между собой.

От обмена жен, основанного на договоренности, следует отличать широкое половое общение, которым сопровождалась некоторые из эскимосских праздников. Нельсон, описывая один из религиозных праздников

⁵³ G. Quimby, Aleutian Islanders, Eskimos of the North Pacific, Chicago, 1944, стр. 28—29; W. Jochelson, History, ethnology and anthropology of the Aleut, Wash., 1933, стр. 72—73.

⁵⁴ Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 210—211; D. Jenness, Указ. соч., стр. 86. K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 195, 489.

⁵⁵ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 144.

⁵⁶ W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 653—655.

⁵⁷ D. Jenness, Указ. соч., стр. 86.

аляскинских эскимосов, сообщает, что во время этого праздника тезки всех умерших мужчин с тезками умерших жен этих мужчин⁵⁸. Благодаря обыкновению давать детям имя умерших родственников, тезками умерших мужей и жен оказывались в первую очередь дети и внуки как собственные, так и их братьев, сестер и других родичей. Таким образом, этот обычай, воспринимаемый как ритуальная форма поддержания и сохранения брачной связи двух родственных групп, можно рассматривать как одно из подтверждений высказанного нами выше положения о том, что все отношения, связывавшие тезок, унаследованы от родового строя.

У эскимосов Баффиновой земли на празднике в честь Седны два персонажа в масках (мужчина и женщина) по очереди вступали в близкие отношения с присутствующими. Возможно, этот своеобразный обряд также носил символический характер восстановления древних брачных отношений между собравшимися.

У эскимосов чаще всего встречалась семья, состоящая из родителей и детей⁵⁹. Но во многих случаях с родителями жили их взрослые сыновья со своими женами или дочери со своими мужьями, а также их дети. Часто семья включала также братьев и сестер с детьми. Большая семья особенно типична была, повидимому, для Гренландии. На это, по крайней мере, указывают нормы раздела добычи в семье, зафиксированные в районе Аммассалика (Восточная Гренландия). По этим нормам части от каждого пойманного тюленя получали: сам охотник и его родственники (его отец, мать, братья и сестры, жены братьев, отец отца, брат отца, брат матери, кузены); жена охотника и ее родственники (родители, братья, отец отца, дети братьев и сестер). Доли родственников мужа и жены были различны: первые получали переднюю часть тюленя, а вторые — заднюю⁶⁰. Вероятно, обычай отдавать часть (половину) добычи родственникам жены является пережитком матрилокальности, сохранившейся в XX в. лишь в некоторых местах расселения эскимосов, но, видимо, значительно шире распространенной в прошлом. Муж и жена имели раздельное имущество. Все предметы домашнего обихода являлись собственностью женщины; она приносила их в семью при вступлении в брак и забирала обратно в случае развода. Женщина владела и частью собак⁶¹.

У эскимосов Юкона и Кускоквима в ведении жены находились все запасы продовольствия. Муж в большинстве случаев не решался ничего продать без согласия жены. Жилище могло находиться в совместном владении супругов. Основным занятием мужчины являлась охота, а женщины — домашнее хозяйство. Рыбная ловля на Юконе и Кускоквиме и в Западной Гренландии была делом только женщин, ведших летом сетевой лов нельм и сигов. У эскимосов Иглулик женщины также часто ловили рыбу (особенно лососей), но только крючками, сетями ловили лишь мужчины. Во многих районах женщины нередко бывали искусными охотниками на лисиц, птиц и другую мелкую дичь. Женщины — охотники на тюленей встречались редко, но не было никаких табу, запрещавших женщинам участвовать в тюленьей охоте. Женщины часто участвовали в охоте на карибу как загонщики. Большое значение придавалось магическим заклинаниям женщин для обеспечения мужчине успеха на охоте⁶².

⁵⁸ E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 74, 292, 360.

⁵⁹ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 146—147; D. Jenness, Указ. соч., стр. 83; J. Gabus, Указ. соч., стр. 157—158; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 619.

⁶⁰ W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 645—647.

⁶¹ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 39—40; D. Jenness, Указ. соч., стр. 158—159; K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 193, 489; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 625.

⁶² N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 6.

Отношения между мужчинами и женщинами в семье характеризовались товарищеским уважением и равноправием⁶³. При решении семейных дел женщины имели равный голос с мужчинами. В семье женщины, особенно старые, пользовались значительным авторитетом. При приеме гостей женщины обычно активно участвовали в разговоре и часто направляли беседу. У эскимосов Баффинова пролива при встрече с чужестранцами было безразлично, кто кого представит — муж жену или жена мужа. По свидетельству Тальбицера, в Гренландии независимость и права женщины значительно увеличивались после рождения детей. Полноправное, независимое положение женщины, ее участие в добычании пищи характеризуют обычно матриархат, поэтому указанные явления у эскимосов следует рассматривать как пережиток материнско-родового строя.

Когда в семье рождался ребенок, он получал имя одного из его умерших родственников⁶⁴. Имя ребенку давала мать (у Медных эскимосов — отец или бабушка). У эскимосов Иглулик ребенок чаще всего получал имя одного из своих материнских родственников. Отдельные факты, которыми мы располагаем, дают основание предполагать, что не только эскимосы Иглулик при выборе имен предпочитали материнскую линию родства⁶⁵, но, пока не собран дополнительный материал, это предположение может рассматриваться лишь как догадка.

Одновременно с именем ребенок наследовал личные песни умершего⁶⁶. Каждый эскимос знал несколько песен, которые он исполнял на празднествах в кажимах и которые никто, кроме него, не имел права петь. В пределах каждой группы родственников в течение очень продолжительного времени, возможно, многих веков, сохранялись неизменными какая-то серия имен и определенные песни, которыми не могли пользоваться не-члены этой группы. По представлениям эскимосов, душа человека, чье имя получал ребенок, становилась его духом-охранителем (атка). Считалось, что атка руководил всеми действиями ребенка, пока тот не подрастал до 11—13 лет. Ребенок становился ко всем окружающим в те же отношения родства, в каких находился тот, чье имя он носил. Например, ребенок, названный по брату матери, называл свою мать сестрой, отец мог называть своего сына племянником и т. д.⁶⁷

Дети и молодые люди, разговаривая со старшими, должны были называть их не по имени, а терминами родства⁶⁸. Обычай употреблять при обращении не имена, а термины родства, повидимому, вообще преобладал у эскимосов независимо от возрастных отношений.

Действительное родство ребенка выступало обычно лишь тогда, когда он становился взрослым. Но твердых правил в этом отношении не было. Так, например, отец мог называть своего взрослого сына попеременно то сыном, то племянником. Иногда человек в течение всей своей жизни сохранял отношения родства, приобретенные вместе с именем, но это не было типичным⁶⁹.

Следовательно, полученное ребенком имя выражало его принадлежность к определенной родственной группе. Так, ребенок, получивший имя

⁶³ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 75; Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 210—211; K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 193, 489; V. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 172; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 650.

⁶⁴ K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 154; V. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 398; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 619; E. W. Nelson, Указ. соч., стр. 289; K. Rasmussen, Intellectual culture of the Copper Eskimos, стр. 42.

⁶⁵ Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 212; K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 191—192.

⁶⁶ J. Gabus, Touctou. Chez les hommes qui vivent loin du sel, Paris, 1943, стр. 167.

⁶⁷ J. Gabus, Touctou..., стр. 167; V. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 397—402; W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 206.

⁶⁸ T. Brevig, Указ. соч., стр. 67; V. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 400—401; K. Rasmussen, Intellectual culture of the Iglulik Eskimos, стр. 178.

⁶⁹ V. Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 400—401.

материнского родственника, подчинял, по меньшей мере временно, свое родство по отцовской линии тесным отношениям двойного родства (кровного и по имени) со своей материнской группой. Такой ребенок считался происшедшим от одного фамильного ствола (from one stock of names) с тем, чье имя он получил, т. е. в описываемом случае от предков одного из материнских родственников ребенка и самой матери и, в конечном счете, от прародителей своей материнской группы. Став взрослым, он исполнял на празднествах в кажиме песни своего умершего тезки, т. е. наследственные песни своей материнской группы, и не мог вступать в брак с лицами, названными в честь того же человека, что и он. Если все, кто получал имя одного общего материнского родственника, считались принадлежащими к одной материнской группе, то запрет брака между тезками можно рассматривать как пережиток экзогамного запрета браков между членами одного рода.

Обычай наследования имени по отцовской или материнской линии свидетельствует о существовании у эскимосов в недавнем прошлом отцовской и материнской филиации как пережитка родового строя. Исходя из этого, можно предположить, что у всех эскимосов, предпочитавших давать ребенку имя родственника матери, преобладала материнская филиация и род в период распада оставался еще материнским.

Среди всех эскимосов было широко распространено «усыновление» детей. Например, Матиассен указывает, что из 18 детей, живших у залива Рипалс в 1921—1922 гг., восемь, т. е. почти половина, были приемными⁷⁰. Дети большей частью усыновлялись вскоре после рождения. Усыновление не вызывало бедности родителей ребенка и невозможностью прокормить многочисленную семью, а являлось своего рода сделкой. Усыновивший платил за ребенка его родителям. Но, по мнению того же Матиассена, родители часто отдавали своего ребенка в усыновление в знак дружбы или родства. Плата за ребенка в таких случаях была очень мала. Эскимосы Карибу платили за ребенка только в том случае, если он был старше пяти лет, дети меньшего возраста отдавались в усыновление бесплатно⁷¹.

В Гренландии приемный сын становился единственным наследником приемных родителей, если те не имели своих сыновей. Порядок наследования приемными детьми в других районах не известен. У Центральные эскимосов, как, по всей вероятности, и у большинства групп эскимосов, приемные родители обращались с усыновленными детьми совершенно так же, как с собственными. В Западной Гренландии и у Центральные эскимосов приемные дети считались близкими родственниками усыновивших и не могли вступать в брак с их детьми⁷².

В Восточной Гренландии по отношению к приемным детям применялись термины «ittersia» — «его приемный кузен» и «awiarsia» — «его приемный кузен второй степени». Многие факты, приводимые Гальбидером, свидетельствуют в пользу того, что усыновляемые большей частью были родственниками усыновивших. Однако для решения этого вопроса необходимо привлечь дополнительные материалы.

Вследствие скудости имеющихся данных трудно сделать вывод о происхождении обычая усыновления среди эскимосов. Можно лишь предполагать, что усыновление возникло из обычая возвращения детей в свой род, связанного, как известно с авункулатом. Такое предположение подтверждается, во-первых, тем, что усыновление очень часто выступает как пережиточная форма возвращения детей в их материнский род. Во-вторых, у соседей эскимосов, этнически родственных им алеутов, существо-

⁷⁰ Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 212—213.

⁷¹ J. Gabus, Iglous..., стр. 223.

⁷² W. Thalbitzer, Указ. соч., стр. 604—605; Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 212—213; D. Jenness, Указ. соч., стр. 84.

вали как типичное «возвращение детей» к материнскому дяде, так и усыновление в форме, переходной от настоящего возвращения детей в материнский род к тому порядку усыновления, какой применялся у эскимосов⁷³. В-третьих, у эскимосов Иглулик в начале XIX в. отдавались в усыновление почти исключительно мальчики, хотя родителям всегда было экономически выгоднее отдавать девочек. В XX в. те же эскимосы Иглулик чаще отдавали в усыновление девочек, чем мальчиков⁷⁴. Пользуясь указанием М. О. Косвена на то, что обычай «возвращения детей» применялся преимущественно к мальчикам⁷⁵, можно заключить, что предпочтение мальчиков при усыновлении сохранялось как пережиток родового строя.

В религиозных верованиях эскимосов преобладали женские божества⁷⁶. Главной из них была морская владычица Седна, известная в различных районах расселения эскимосов также и под другими именами, означавшими «она там внизу», «старая женщина», «мать моря» и т. п. Образ ее везде был одинаков (хотя на западе и востоке эскимосского мира с ней соперничал «человек на луне»). Эскимосы представляли ее в виде старой женщины, живущей на дне моря и повелевающей морскими животными, которых она время от времени дает людям. Седна, так же как и другие женские божества, враждебна мужчинам. Мужа у нее, по одним мифам, совсем нет, по другим — это кобель, по третьим — мужчина, занимающий в ее доме подчиненное положение. На суше Седне соответствовали «лесная хозяйка» у эскимосов Тихоокеанского побережья и «мать-карибу» у эскимосов Гудзонова залива. Женскими же божествами были Хила — дух воздуха и Пинга — дух земли. Надо полагать, что религиозные верования эскимосов, в которых господствовало женское начало, сформировались при матриархате.

С матриархатом связан и распространенный во всех районах обитания эскимосов миф о происхождении их от женщины и собаки. Отражение матриархата содержится и в охотничьей молитве эскимоса, ищущего дичи в чужой стране. В этой молитве говорится: «Я смущен, я чувствую страх и смятение, но моя прабабушка и бабушка послали меня на поиски»⁷⁷.

В некоторых эскимосских группах были женщины-шаманы⁷⁸. Правда, в районе Гудзонова залива и многих других местах шаманка могла применять свое искусство только к женщинам. Считалось также, что женщины очень редко становятся великими шаманами. По сообщению некоторых исследователей, шаманское звание отца могла наследовать дочь.

Традиции и предания группы обычно могут храниться и передаваться потомству как мужчинами, так и женщинами⁷⁹. У эскимосов Гудзонова залива мужчины рассказывают то, что они сами видели и слышали, женщины же хранят и передают потомкам традиции, исторические рассказы и предания своей группы. Бабушки передают мифы и легенды внукам.

Почти все эскимосы различают отцовскую и материнскую линии родства. Большинство эскимосов отличает детей брата от детей сестры, что является пережитком родового строя. С родовым же строем связано раз-

⁷³ И. Вениаминов, Записки об островах Уналашкинского отдела, СПб., 1840; ч. II, стр. 71—72; ч. III, стр. 10—11.

⁷⁴ Th. Mathiassen, Указ. соч., стр. 212—213.

⁷⁵ М. О. Косвен, Указ. соч., стр. 16.

⁷⁶ В. Богораз, Указ. соч., стр. 244—248; K. Birket-Smith, Указ. соч., стр. 165; J. Gabus, Touctou..., стр. 27, 156—157, 176; K. Rasmussen, Intellectual culture of the Iglulik Eskimos, стр. 67.

⁷⁷ K. Rasmussen, The Netsilik Eskimos, стр. 14.

⁷⁸ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 42, 59—61; D. Jenness, Указ. соч., стр. 162;

⁷⁹ Stefansson, My life with the Eskimo, стр. 290—291.

⁷⁹ N. M. Giffen, Указ. соч., стр. 65—66.

личение братьев мужа от братьев жены и сестер мужа от сестер жены⁸⁰. В отношении младших братьев этот принцип проводится менее последовательно, чем в отношении старших, что, на наш взгляд, связано с большой ролью старших братьев жены в период начавшегося перехода к патриархату.

По мнению Лантиса, нунивакская система родства в своей основе сходна с ирокезской и западнокалифорнийской системами. Параллельные кузены объединяются с братьями и сестрами, кросс-кузены считаются кузенами, старшие братья и сестры отличаются от младших братьев и сестер и т. д.⁸¹ Такое сходство свидетельствует о существовании в прошлом рода у нунивакцев.

В некоторых эскимосских группах (Медных, Нетсилек, полуострова Мелвилл и р. Казан) мужчина обозначал одним термином жену своего брата и сестру своей жены. У эскимосов полуострова Мелвилл наблюдалось и обратное явление, а именно, женщина одинаково называла мужа своей сестры и брата своего мужа. У эскимосов полуострова Мелвилл и у Медных эскимосов мужчина одинаково именовал мужа своей сестры и брата своей жены, а женщина — жену своего брата и сестру своего мужа⁸².

Общеизвестно, что подобными чертами характеризуются номенклатуры родовых обществ, практикующих дуальную экзогамию. Следовательно, и у эскимосов обозначение одним термином сестры жены и жены брата, брата мужа и мужа сестры является пережитком дуально-родовой экзогамии.

* * *

Приведенные материалы дают основание для вывода о наличии у эскимосов в прошлом родового строя. Экзогамия исчезла в связи с освоением огромных незаселенных пространств Арктики, когда отдельные роды далеко уходили друг от друга, часто распадались и перемешивались в процессе передвижения и т. д. В последующем разложении экзогамии большую роль сыграл также и кочевой образ жизни центральных и восточных эскимосов. По словам Штернберга, «начало такого процесса эндогамизации (в смысле утери экзогамии. — Л. Ф.) наблюдается теперь среди северных изолированных тунгусских племен Туруханского края и приаянской области, между тем как у южных, менее изолированных или более оседлых тунгусских племен этот процесс совершенно не известен»⁸³. В этой связи интересно отметить, что у эскимосов западного побережья Америки пережитки родового строя сохранились значительно лучше, чем у всех остальных эскимосов. Это объясняется тем, что им не пришлось осваивать таких больших пространств, как центральным и гренландским эскимосам, а также и тем, что жизнь их носит более оседлый характер благодаря возможности морской охоты не только зимой, но и летом.

Процесс разложения рода завершился сравнительно недавно. До сих пор эскимосская система родства многими своими чертами отражает родовое состояние общества. К моменту своего распада род у большинства эскимосских групп оставался еще материнским. Об этом свидетельствуют: пережитки матрилинейности и матрилокальности, мужские дома, неза-

⁸⁰ K. Birket-Smith, Five hundred Eskimo words, Report of the Fifth Thule Expedition, vol. III, Copenhagen, 1921, стр. 41—42; K. Rasmussen, Alaskan Eskimo words, стр. 21—22, 35, 43—44; его же, Intellectual culture of the Copper Eskimos, стр. 340—341; его же, The Netsilik Eskimos, стр. 536—537.

⁸¹ M. Lantis, Указ. соч., стр. 236.

⁸² K. Birket-Smith, Five hundred Eskimo words, стр. 41—42; K. Rasmussen, Intellectual culture of the Copper Eskimos, стр. 340—341; его же, The Netsilik Eskimos, стр. 536—537.

⁸³ Л. Я. Штернберг, Семья и род у народов Северо-Восточной Азии, Л., 1933, стр. 153.

висимое положение женщины, преобладание женских божеств в эскимосской мифологии, отраженная в терминологии родства дуальная экзогамия. Но уже начался переход к отцовскому роду. С переходом к патрилокальности при сохранении матрилейности возник обычай «возвращения детей», пережиточно сохранившийся у всех эскимосов в форме «усыновления детей». По мере движения на восток ослабляются черты матриархата, исчезают мужские дома (за исключением района Гудзонова залива) и ослабляются пережитки кросс-кузенного брака и тотемизма, матрилокальность в браке перестает преобладать. Но возникающий отцовский род, поглощенный процессом распада всего родового строя, не успевает развиться.
